

«Аааауггххх!»

Ганбаатар из Слатоходцев взмахнул копьем по широкой дуге, поймав двух Траволомов, когда они прыгнули на него. Они пролетели несколько метров, врезавшись в третьего, когда тот поднимался с земли. Наконечник его копья выстрелил назад, поймав четвертого, пытавшегося устроить засаду, когда он повернулся спиной. Ган повернулся и толкнул, вонзив острие копья с металлическим наконечником глубоко в горло существа, заставив его упасть на землю с удивленным воплем! Прежде чем он смог погрузиться обратно в камень, Ган вытащил свой охотничий нож и вонзил его в глаз птицы, для верности сильно повернув его. Траволом вздрогнул и замер, присоединившись к небольшой куче из двух дюжин своих сородичей неподалёку.

Ган вытащил нож, его временные ножны издали влажный всасывающий звук, затем встал, глубоко и тяжело дыша. Тонкий блеск пота и крови покрывал его тело, а рука, держащая копье, тряслась, заставляя постоянно изнашивающееся оружие лязгать. Он не мог продолжать в том же духе. Повелитель Зверей Кусанаги тоже знал это, судя по широкой улыбке на его большом птичьем лице. Опять же, всё это было просто развлечением для Повелителя Зверей. С тех пор, как появился огромный монстр, Ган знал, что у них не было шансов с самого начала.

В конце концов, это была пиковая стадия [Разрыва оков], всего лишь маленький шаг от большего царства [Земной трансцендентности] .

Количество людей -культураторов [Разрывающих оковы] в Сияющем море можно было пересчитать по пальцам одной руки. Что касается тех, кто разорвал свои смертные оковы и встал на путь [Земной трансцендентности] , Ган никогда не слышал ни о ком. Вероятно, у Ах'лута их было несколько, но они были Вершиной прерий, зверями-защитниками, стоявшими на самой вершине. Он никогда раньше не слышал, чтобы Траволом достиг такого уровня. Но тогда любой, у кого есть глаза, мог видеть, что Кусанаги был не просто пингвином-траволомом.

Его размер был самым очевидным отличием; Там, где обычный Траволом был размером примерно с собаку, Кусанаги возвышался над своим сородичем почти на 12 метров в высоту. Даже Великие Лоси, которые тянули повозки Блуждающих Городов, не были такими большими. Там, где другие траволомы были невысокими и коренастыми, Кусанаги стоял прямо, с длинным телом и шеей, которая казалась гибкой и более длинной, чем казалось на первый взгляд. Его клюв был длинным и острым, как копье, и черным, как ночь, по сравнению с короткими тупыми клювами его сородичей, предназначенными для дробления костей. На его перьях присутствовали отчетливые цветочные узоры траволомов, но они были шелковисто-гладкими и имели металлический оттенок.

Ган был уверен, что его копье отскочит от этого блестящего пальто так же уверенно, как и от любых доспехов. Это если он вообще проберется через окружающее их море меньших пингвинов. Жалкий шанс на это...

Но с другой стороны, он знал, что его ждет, когда он остался с Юту. Несмотря на свое имя, Ганбаатар никогда не считал себя героем. У него не было ума быть Чтецом трав или травником, как Золзая. У него также не было таланта к массивам, который был у Юту

(несмотря на то, что тот думал о себе). Из их маленькой группы из трех человек он умел только бить. Так что это чуть не раздавило его, когда оказалось, что он не имеет необходимого родства с Землей, чтобы стать Стражем.

Не то чтобы Ган когда-либо показывал это.

Как он мог? Он был Ганбаатаром, их веселым, счастливым «лидером». Конечно, он бодался с Юту с тех пор, как они были молоды, и, возможно, мать Заи не раз тянула его за ухо за то, что он втянул их компанию в какой-то безрассудный план. Но если он сломается, кто вытащит Юту из дома, когда он будет в одном из своих «настроений»? Кто помешает Зае отравить какого-нибудь глупого молодого господина из города, который думал, что сможет ухаживать за «симпатичной деревенской девушкой» причудливыми словами или предметами?

Нет; он должен был быть сильным ради деревни и своих друзей.

Так он встал на путь Ловца. Возможно, у него не было таланта к массивам, но с достаточно приличным сродством к дереву и металлу он мог делать физические ловушки. Ган никогда не был бы выдающимся, но он мог обеспечить свою семью и деревню, и это главное. Он представлял себе будущее, в котором набрался смелости попросить Заю жениться на ней. Где он создал семью и поддерживал Юту, когда этот человек превратился в величайшего Мастера Массивов, которого когда-либо производили Слатоходцы.

Он представлял себе, как унаследует тележку для дома, передаваемую из поколения в поколение, и увидит, как Слатоходцы растут и процветают под руководством Заи и талантом Юту. И, наконец, когда он стал бы слишком стар, чтобы расставлять ловушки, он сидел бы на крыльце, наблюдая за всеми внуками и правнуками, пока медленно тикают его сумеречные годы.

Это была хорошая жизнь. Это должна была быть хорошая жизнь. Но жизнь редко уважала это «должно быть».

Ган побежал с Юту, когда другой парень понял то же самое, что и все остальные. Он видел, как мысли мелькали в глазах Юту; отчаянное стремление к выживанию, момент раздумий, затем мрачное осознание, за которым следует потеря надежды, только для того, чтобы смениться тёмной решимостью. Он точно знал, о чем думал Юту... в конце концов, он сам прошел через тот же мыслительный процесс.

Это была не гонка на выживание; это была игра. На самом деле они никогда не собирались убежать; с ними просто играли для болезненного развлечения Повелителя Зверей.

Когда Юту остановился, Ган испугался, что бедняга сломался, что он потерял надежду и просто собирается позволить зверям забрать себя. Часть Гана не хотела оборачиваться и видеть это; если бы он увидел, что его друг так сломлен, это вполне могло бы сломить и его. Крики Заи заставили его обернуться и посмотреть, и то, что он увидел, остановило его.

Глаза Юту не были глазами сломленного человека. Это не были безумные глаза человека, утопающего в отчаянии. Это были даже не те робкие и мышинные глаза, которых Ган ожидал от этого парня. То, что увидел Ган, было глазами человека, который решил перестать бежать не из-за страха или отчаяния, а из-за чего-то более глубокого и сильного. Юту перестал бежать не потому, что сдался, а потому, что не хотел, чтобы последнее, что он сделал в жизни, было тем же, что он делал всегда.

Глядя на него, Ган почувствовал укол в сердце, словно дернул струну, и холодная яма в его животе внезапно вспыхнула огнем. Отлично! Они всегда делали это вместе! Если даже Юту мог стоять и сражаться, то кто он такой, чтобы продолжать бежать?

Это привело их к настоящему.

Ган наполнил свое копьё тем небольшим количеством энергии Духа, что у него осталось, заставляя трещащее дерево запечатываться, а тупое острое копьё заточиться. Однако этого было недостаточно. Он отразил ещё одного прыгнувшего пингвина только для того, чтобы почувствовать, как запечатанная древесина снова скрутилась с треском. Удар отбросил его на несколько футов назад, открывая то место, где Юту лихорадочно работал над массивом под ними. Ган позвал его, не сводя глаз с окружавшей их толпы.

«Как дела, Юту? Пожалуйста, скажи мне, что ты почти готов, потому что у нас мало времени.»

Юту не удосужился поднять глаза, но ответил голосом, который Ган давно перевел как «Я работаю, перестань со мной разговаривать».

"Почти готово! Просто задержи их ещё немного!"

И поскольку сегодня судьба, казалось, намеревалась насмеяться над ними, эти слова были подчеркнуты другим пингином, выпрыгнувшим из земли прямо перед Ганом. Он толкнул копьё вперед, чтобы поймать его, как те, что были раньше, но был удивлен, когда этот новый пингвин увернулся в сторону. Блестящий плавник врезался в рукоять его копьё, расщепив его, прежде чем отправиться дальше и врезаться ему в грудь.

Тресь !

Гак !

С треском дерева и ребер Гана отбросило на несколько метров. Когда он остановился, то встал на колени, выблёвывая полный рот крови. Ган встал на ноги, слегка покачиваясь, когда небо закружилось. Он повернулся к своему противнику, вытаскивая дрожащей рукой охотничий нож. К его удивлению, других атак не последовало ни от того, кто сломал копьё, ни от кого-либо другого. Упомянутый Траволом, ненормальный, в два раза больше других, с таким же металлическим блеском, как Кусанаги, стоял там, где приземлился. Он посмотрел на Гана с тем, что он мог назвать только усмешкой.

Духовная энергия в этой области завибрировала, когда Кусанаги «заговорил» тем же странным образом, что указывал на разумных духовных зверей. В то время как «голос» духовного зверя был больше намерениями и концепциями, чем какими-либо реальными «словами», Ган обнаружил, что все ещё может прекрасно его понимать. И хотя «звука» не было слышно, у Гана сложилось отчетливое впечатление мягкого, богатого голоса, в котором сочилось едва скрываемое презрение. Как неряшливые продавцы, которые всегда пытались приблизиться к нему, когда он посещал Города, думая о нем как о каком-то наивном деревенском мальчишке, не понимающем ценности товаров.

«Гордись, человек! Ты устроил для нас достаточно хорошее шоу, и мой сын попросился быть тем, кто прикончит тебя лично. Ты должен чувствовать себя польщенным, правда!»

Повелитель Зверей взмахнул клювом и издал громкий гудящий смех, который бездумно подхватила окружающая орда.

«Постарайся не умереть слишком быстро. Твоему маленькому другу всё ещё нужно время, чтобы закончить свой сюрприз. Мне очень любопытно, что он нам покажет. Последний человек был... скучным. Хотя, честно говоря, трудно сосредоточиться на своем массиве, когда что-то грызет твою ногу.

Повелитель Зверей снова рассмеялся и махнул рукой в сторону Гана.

«Сын» Повелителя зверей жестоко улыбнулся и рухнул на землю. Ган занял оборонительную позицию. Возможно, у него не было родства с Землей, которое позволило бы ему мысленно нанести на карту землю под собой, но это не означало, что он был беззащитен. Ган провел годы, пробираясь в тренировочные зоны Стражей, иногда даже присоединяясь к ним, когда разрешал отец Юту. Там он научился владеть копьем и перенял небольшой прием, используемый для обучения новых Стражей, так называемое [земное зрение] .

Он закрыл глаза и попытался почувствовать поток энергии Духа вокруг себя. Легкая рябь дернула его мысленный взор, и он двинулся, едва уклоняясь от маленького металлического плавника, вырвавшегося из-под земли под ним. Казалось, сын пошел в своего отца. Ласт снова погрузился в землю, но через долю секунды появился снова. И снова Ган увернулся на волосок, используя слабый поток энергии Духа, выделившийся, когда пингвин всплыл, чтобы предсказать, как он ударит. Это была техника, которая требовала сознательных, непрерывных умственных усилий, что делало ее непригодной для службы Стража, но это был отличный метод обучения, и Ган был рад, что освоил его.

В третий раз Ган увернулся, и в четвертый, и в пятый. Каждый удар шел все быстрее и безрассуднее, с меньшей точностью. Зверь был неряшливым, необученным и нетерпеливым. Скорее всего, он никогда по-настоящему не боролся, полагаясь на свои врожденные дары, чтобы доминировать над окружающим миром. Если бы он только мог...

Еще один импульс энергии Духа. Ган увернулся, как и прежде, но, в отличие от прежнего, плавник не выпал. Его глаза метнулись к Повелителю Зверей, по спине пробежал ледяной

холод, клюв пингвина искривила широкая ухмылка. Глаза Гана расширились, когда он понял, что произошло секундой спустя. За ложным ударом последовал настоящий. Ган прыгнул. Отчаянная уловка спасла его от разрыва надвое, но стоила ему ноги, аккуратно отрубленной ниже колена.

Ган откатился в сторону, оставив кровавый след, когда Повелитель Зверей и его орда разразились очередным приступом смеха. Смех распространился на слова Кусанаги, когда он говорил.

«Вот почему, человек, ты полагаешься на мелкие... уловки, чтобы издеваться над лучшими. По крайней мере, имей достоинство умереть, вместо того, чтобы бежать как трус. Сынок, закончи эту игру. Может быть, смерть его друга побудит мышонка закончить свой проект. Тогда мы сможем догнать остальную нашу добычу.

Младший поднялся с земли, морда зверя-птицы нахмурилась. Если бы Ган не думал, что это невозможно, он бы поклялся, что существо цокнуло. Тем не менее, он повиновался отцу и бросился на Гана, скользя на своем большом, покрытом мрамором брюхе, с широко раскрытой пастью, полной острых зубов.

Ган залепил рану на ноге небольшим количеством энергии Духа и уставился на атакующего пингвина. Ладно, если он собирался идти ко дну, то, по крайней мере, возьмёт с собой этого ублюдка. Пусть Кусанаги хоть раз почувствует, каково это - потерять кого-то.

Когда зверь был слишком близко, чтобы скорректировать курс, Ган вытащил что-то из-за спины: сломанную рукоять своего копья. Ему повезло, что он перекатился через неё во время последнего падения. Со злобной ухмылкой Ган направил сломанное копье в сторону призрачного зверя, когда тот прыгнул на него, целясь в заднюю часть зубастой пасти.

Только для того, чтобы существо стало лужей грязи в полете. Глаза Гана расширились, когда Юту вскрикнул.

"Осторожно!"

Глаза Гана метнулись в сторону как раз вовремя, чтобы увидеть, как настоящий Младший летит к нему по воздуху.

Всё, о чём Ган успел подумать, было

{Вот и вс-}

Однако смерть не пришла. Нечто массивное влетело в Гана...

...он открыл глаза, которые невольно закрыл, ожидая увидеть загробную жизнь.

Вместо этого Ган оказался на той же поляне, всё ещё в окружении бесчисленных пингвинов-траволомов и в нескольких десятках метров от разъяренного Младшего.

На поляне царила жуткая тишина, и Ган даже не слышал, как Юту работает над своим массивом. Он повернулся, чтобы посмотреть в сторону друга, но обнаружил, что тот смотрит на Гана с широко раскрытыми глазами и открытым ртом.

[Голос духа] Повелителя зверей нарушил тишину, неся в себе ощущение скучающей апатии и лёгкого раздражения.

«О... я вижу, ты выжил.»

Ган, сбитый с толку, понял, что Кусанаги говорит не с ним, только когда обернулся.

Позади него, с ошейником на шее, стояла ошестинившаяся, рычащая фигура... молодого щенка Ах'лута...

Повелитель Зверей усмехнулся, глядя на щенка сверху вниз.

«Не беспокойся. Как только мы разберемся с людьми, настанет твоя очередь. На этот раз я не оставлю этот вопрос на рас...»

Не дав ему договорить, из окрестных деревьев вырвался титанический светящийся жук и протаранил Повелителя Зверей.

Для тех, кому интересно, пингины Траволомы основаны на Рокхопперах.

А Кусанаги больше похож на императорского пингвина.